

УТЕШЕНИЕ ЗНАНИЕМ: ПОСТИЖЕНИЕ МИРА КАК СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

«Человек заброшен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне,» – писал Ж.П. Сартр¹. Пропать, развешаясь между этим тезисом, явившимся, по сути, наиболее полной характеристикой модерна и, тем более, пост-модерна, и осененным Божественным присутствием и потому ясным и надежным миром библейского человека, – это пропать, первые «трепины» которой пролегли огню не в эпоху Просвещения, начавшую с вольтеровского призыва «раздавить гадину» и достигшую апогея с ницшеанским «Бог умер». Признаки грядущей онтологической и гносеологической катастрофы можно обнаружить уже в универсалиях и индивидуалиях Августина Блаженного, Боэция и Иоанна Скота Эруигены, – и не случайно уже Боэцию потребовалось утешение философии, едва ли не единственно противостоящей огню хаосу распадающейся ткани мира. Происходящий из божественной простоты порядок (*ordo*), по Боэцию, имманентен сущему, т.е. содержится в самих вещах – как «замечательное чудо порядка судьбы, который, происходя от знающего [Бога – *O.T.*], заставляет впадать в отчаяние незнающего» [*Cons. IV, pg. 6 (30)*]².

Итак, «отчаяние незнающего» происходит из его незнания и потому преодолевается постижением законов мироздания, что делает познающего участником Седьмого дня Творения и, тем самым, приближает его к Создателю «порядка судьбы». Чтобы существовало отражение мира, – звучат реминисценцией Боэция слова одного из героев «Имени розы» У. Эко, – надо, чтобы мир имел форму, – и что как не поиск «формы мира» ведут современная наука, детище европейской ментальности, ее способ и инструмент преодоления «отчаяния заброшенного в мир человека» – и философия науки, хотя последняя, кажется, уже не только смирилась с собственной неспособностью собрать воедино все *disiecta membra*³ современной научной картины мира, но и готова провозгласить эту неспособность новой методологией (и утешиться этим; см. продолжение начатой в предыдущем номере журнала статьи В.К. Батурина «Философия науки: имеющаяся и необходимая. Часть 1. Философия науки без... философии» и «Было ли учение Вернадского о ноосфере? (краткий исторический анализ)» Л.Л. Прозорова).

Форма мира, его физическое пространство и время (и пространство-время как собственно форма бытия), разворачиваются на страницах нового номера журнала, прежде всего, в глобальных теориях – в теории происхождения Земли школы академика РАН А.А. Маракушева («Околосолнечные планеты-гиганты и происхождение Земли» А.А. Маракушева, Н.Г. Зиновьевой и Л.Б. Грановского), в концепциях физики атмосферы («Новая 3D концепция усиления кумулятивных структур (КС) в катастрофах. Часть I. Самоорганизация КС с кумулятивными струями» Ф.И. Выскайло) и хронобиологии («Время жизни и устойчивость биосистем. Часть 1. Сохранение устойчивости биосистемы через удаление или обновление ее элементов» С.Л. Загускина), в теоретических построениях А.В. Кочеткова и П.В. Федотова («Анализ понятия “пространство” в общей теории относительности»); эту форму нащупывают в своих экспериментах и их интерпретации Д.Г. Павлов, С.С. Кокарев, М.С. Панчелюга и В.А. Панчелюга («Поисковые исследования пространственно-временных эффектов так называемого гиперболического, или Н-поля»). Однако не менее очевидно физическое пространство и время предстают в локальных – региональных – исследованиях, особенно тогда, когда эти исследования становятся базой для формирования отдельных научных направлений. К числу такого рода работ, несомненно, следует отнести заложивший основу современного мерзлотоведения опубликованный в 1838 г. в «*Journal of the Royal Geographical Society of London*» отчет К.Э. фон Бэра (К.М. Бэра) «Новейшие сведения о мёрзлой земле в Сибири» («*Recent Intelligence upon the Frozen Ground in Siberia*»; мы приводим оригинальный английский текст статьи и, параллельно, ее первый за прошедшие с момента выхода в свет годы перевод на русский язык, выполненный С.Г. Геворкьяном специально для журнала «Пространство и Время», в сопровождении комментария переводчика «Подписано: Бэр»).

Обретаемая в естественнонаучных исследованиях форма мира – форма «бесспорная» (т.е. бесспорно существующая даже в тех случаях, когда с точки зрения представителей «мейнстрима» попытки объяснить ее природу кажутся отнюдь не бесспорными, – коль скоро современные наследники апостола Фомы имеют возможность фиксировать тот или иной «наблюденный факт»). И для исследователей, не утративших (не отказавшихся) от «краеугольного камня» научного познания – от концепта фундаментального единства мира – столь же бесспорными оказываются и связи между «разъятыми» «в исследовательских целях» элементами этого единства, в том числе и те связи, которые существуют между феноменами как «первой», так и «второй» природы («Озоновый слой и погодные аномалии осени 2012 в Северном полушарии» В.Л. Сывороткина, «Периодичность возникновения эпидемий и эпизоотий в Сибири и Монголии на фоне солнечной активности» Н.В. Задониной и О.И. Аптикаевой, «Динамика демографических данных в России (1956–2005)» Е.М. Андреева и А.Г. Гамбурцева), а порой и вовсе оказываются источником творческого вдохновения («Научные реминисценции в творчестве О. Мандельштама» Л.И. Иогансон).

Куда менее «бесспорной» оказывается форма мира самой «второй природы» – несмотря на периодически предпринимаемые (и порой весьма небезуспешные) попытки выявить и системно описать природу этой формы⁴. Воз-

¹ Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.

Sartre J.P. (1989). Ekzistencializm – eto gumanizm. In: Sumerki bogov. Politizdat, Moskva. Pp. 319–344.

² Боэций. Утешение Философией и другие трактаты / Отв. ред., сост. и автор вступит. ст. Г.Г. Майоров. М.: Наука, 1990.

Boetii. (1990). Uteshenie Filosofiei i drugie traktaty. Otv. red., sost. i avtor vstupid. st. G.G. Maiorov. Nauka, Moskva.

³ Разъятые члены, лат.

⁴ См., напр.: Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005; Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005; Монбриаль Т. де. Действие и система мира. М.: МГИМО, 2005; Докторович А.Б. Основы теории моделирования социальных взаимодействий, отношений и полей // Пространство и Время. 2010. № 2. С. 55–65.

можно, причина здесь в привычности и «незыблемости» исчерпавшей себя парадигмы баденской школы неокантианства и ее наследстве – так и не преодоленном «водоразделе» между естественнонаучным и гуманитарным знанием, в методологической сложности того природно-культурного синтеза, о насущной необходимости которого пишет академик РАН Е.П. Чельшев («О фундаментальной науке и высшей школе») – равно как и об «аксиологической нищете» современного позитивистского знания (там же; см. также названную выше работу В.К. Батурина), следствием которой неизбежно обнаруживается и в политике, и в экономике («Глобальный кризис и перестройка системы геополитического равновесия» И.И. Антоновича, «Новые результаты анализа развития России на основе динамики ее демографических и технологических параметров» А.М. Тарко).

Между тем, задаваясь весьма характерным для такого знания вопросом «зачем история не профессиональному историку» («Зачем артисту история? (Некоторые размышления о преподавании истории в творческом вузе)» Т.М. Апостоловой), мы тем самым поневоле задаемся и вопросом о том, действительно ли единственное, на что в этом мире мы можем рассчитывать, – это экзистенциальное одиночество, «страх и ужас», многократно усиливающиеся риском террористических актов и наращиванием ядерных arsenалов? Действительно ли в многополярном и ценностно-релятивистском мире человек (и человеческое общество) атомизируются, и в этом атомизированном пространстве, лишенном связей в том числе с прошлым и будущим, у человека не остается ни веры, ни ценностей, ни смыслов, ни даже мифов – ничего, чем он мог бы утешиться, – или все-таки, приходя в этот мир, мы одновременно приходим и в его (и тем самым в нашу) историю, и «за нашей спиной» встает незримая, но могучая сила исторических родов Отечества – основа не только генофонда страны («Живое древо: в год русской истории о потомках М.В. Ломоносова» И.И. Судницына), но и ее мифологии («Денис Давыдов: мифы и реальность» Е.В. Сигаловой) – того «возвышающего обмана», без которого связь времен сводится лишь к узкоспециальным исследованиям, доступным и интересным лишь единицам, и, конечно же, военно-политических отношений, ибо невозможно представить себе мировую историю иначе как «густонаселенное» пространство не только формальных, но и человеческих – родственных, сословных и просто дружеских – связей, силой которых творилась и мирная, и военная политика («Иоаннис Каподистрия и греческий фактор в наполеоновских войнах. Часть 2» А. Давтян-Иоакимиди).

Иными словами, приходя в этот мир, мы оказываемся включенными в ту систему определенностей – исторических, идеологических, правовых, социально-экономических и религиозно-нравственных, – в рамках которой ценностный релятивизм возможен едва ли больше, чем в эпоху ветхозаветного карающего Бога («Интриги кануна Второй мировой: японский и польский факторы советско-германских отношений. Часть 2. Домыслы и правда о межвоенной политической реальности» В.П. Зимонина, «Правовая идеология в контексте пространственно-временных характеристик современного общества» А.И. Клименко, «Пространственно-временная определенность в системе характеристик права» Г.М. Лановой, «О применении конструкции «каждой суммы» к теориям денег и оптимального управления. Часть 2. Общие представления о динамике денег» Е.В. Мелокумова, продолжение философского диалога С.А. Нижникова и А.А. Лагунова «Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. Размышления о вере и неверии», а смысловые оттенки категории «справедливость» не менее актуальны сегодня, чем в эпоху пирамид – и едва ли не в той же мере являются космогоническими и даже теокосмогоническими, поскольку таковая модель миропорядка тем более утешительна, чем более явной оказывается бесплодность апологии деконструкции и хаоса в постмодерне («Древнеегипетские и раннегреческие теокосмогонии: историко-философские аспекты сравнительного анализа» В.В. Жданова, рецензия А.Б. Докторовича на монографию Л.Н. Кочетковой «Философский дискурс о социальном государстве» «О результатах социологического опроса “Религия и я”» А.А. Лагунова). Столь же создаваемая, сколь и наследуемая нами, эта система определенностей и есть та форма мира и, одновременно, система координат, для обозначения которой используется столь многозначный термин «цивилизация», и столь критикуемое и считающееся сегодня «уходящей натурой» государство оказывается «несущей конструкцией» этой формы – прежде всего потому, что, как и ранее, оно единственное гарантировано защищает человека от различных форм «войны всех против всех» (упомянутые статьи И.И. Антоновича, А.И. Клименко и А.Б. Докторовича, «Модели противодействия терроризму: обзор» В.В. Шумова, «Анализ процесса развертывания ЕвроПРО» В.И. Шацкой), осознание чего весьма утешительно. Государственное строительство и знание об искусстве такового есть, таким образом, еще одна форма приближения к мировому – божественному – порядку, и возможно, именно в этом знании и в способности человека огосударствлять социальное и физическое пространство отчасти и заключено (как и в целом в способности творить исторические, политические и какие бы то ни было иные социокультурные миры) его, человека, богоподобие («Политическое завещание кардинала герцога де Ришельё французскому королю» и комментарий к нему, выполненный П.С. Каневским, – «... Для порядков и правления государства»).

Весьма показателен здесь тот становящийся очевидным при ближайшем рассмотрении факт, что и само «время мира» (Ф. Бродель) измеряется именно государственными (межгосударственными) отношениями – они, в частности, оказываются, по-видимому, наиболее надежной точкой отсчета и начала, и окончания войн. И если оформление греческой государственности стало политическим окончанием наполеоновских войн (см. упомянутую статью А. Давтян-Иоакимиди), а освободительная война и объединение Италии – их следствием, равно как и практически вся франко-пруско-австрийская геополитическая конструкция континентальной Европы, в недрах которой в XX веке вызрели две мировые войны, то год русской истории – хороший повод осознать, что лишь полноценное знание о «первой» и «второй» природе и государственническое мышление не просто способны сегодня утешить нас в экзистенциальном одиночестве российской цивилизации – они единственные ныне могут обеспечить нам, гражданам государства Российского, статус субъекта истории как непрерывно разворачивающегося в пространстве и времени мира Седьмого дня творения.

О.Н. Тынянова, главный редактор